

Красная Шапочка

Хроники Глухого Леса

Димитри Шмидт

Т Р И Л Л Е Р

Димитри Шмидт

**Красная Шапочка:
Хроники Глухого Леса**

«Автор»

2026

Шмидт Д.

Красная Шапочка: Хроники Глухого Леса / Д. Шмидт —
«Автор», 2026

Каждый знает старую сказку. Но что, если привычная тропинка ведет не к уютному домику, а в эпицентр древнего кошмара? Обычная прогулка к бабушке оборачивается для маленькой девочки в алом бархатном чепчике путешествием за грань реальности. Глухой Лес здесь не просто место действия — он живой, древний и голодный организм, который перекраивает время и пространство, играя с чужаками в смертельные прятки.

© Шмидт Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

То, что кажется концом, иногда оказывается только началом	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Красная Шапочка: Хроники Глухого Леса

То, что кажется концом, иногда оказывается только началом

Жила-была в одной деревне девочка, по имени Красная Шапочка. И не было на свете ребёнка милее и славнее её. Все в округе души в ней не чаяли, но больше всех любила её бабушка, готовая отдать внучке всё, что у неё было. Как-то раз связала она ей из алого бархата шапочку, которая так ладно сидела на девочке, что та ни в какую не хотела носить ничего другого. Так и прозвали её — Красная Шапочка.

Однажды мать позвала её и сказала:

— Доченька, вот тебе корзинка. Там кусок свежего пирога и бутылка целебной виноградной настойки. Отнеси это бабушке: она старая, слабая и сильно хвора, а это поможет ей встать на ноги. Выходи прямо сейчас, пока солнце не начало припекать. Иди строго по тропинке, не сворачивай, никуда не заглядывай и не отвлекайся, иначе споткнёшься, расшибёшь бутылку, и бабушке нечем будет лечиться. А придёшь — поздоровайся с ней как положено, а не как ты любишь: сначала проверить все шкафы, а потом уж показаться.

— Я всё сделаю, мама, даю слово, — ответила Красная Шапочка и побежала прочь из дома.

С этого момента начинается Глухой Лес. Бабушкина изба стояла на самой его окраине, в получасе ходьбы от деревни. Но граница между полем и лесом давно уже стала размытой.

Едва Красная Шапочка ступила под сень деревьев, воздух вокруг стал другим. Густым, холодным и пахнущим старой, перепревшей листвой и ещё чем-то металлическим, словно после грозы. Здесь не пели птицы. Тишина была звенящей и тревожной.

На тропинке показался волк. Но это был не обычный зверь. Шерсть его была свалывшейся, местами с проплешинами, сквозь которые просвечивала неестественно бледная кожа. В глубине его глаз горел не звериный, а пугающе разумный, голодный огонь. Девочка ещё не знала, что это за тварь, поэтому не испугалась.

— Здравствуй, Красная Шапочка, — сказал он, склонив голову набок. Голос его был хриплым, скрипучим, как старая дверь.

— И тебе доброго здоровья, серый, — вежливо ответила девочка.

— А куда это ты путь держишь, такая кроха, да так рано?

— К бабушке.

— Ишь ты. А что это у тебя в корзинке? Прячешь что-то вкусное? — волк облизнулся. Из его пасти тянуло тяжёлым, гнилостным запахом, от которого у Красной Шапочки невольно перехватило дыхание. Она заметила, что у него слишком много зубов, и все они были неровными.

— Вчера матушка пироги пекла. Несу кусок и вино больной бабушке, чтобы она поправилась.

— Ого. Ну, угощение. А где живёт твоя бабушка, деточка? — глаза волка сузились, будто он просчитывал маршрут.

— Она живёт далеко, в глубине леса, за тремя старыми дубами, окружённая орешником, — беспечно сказала Красная Шапочка.

Волк про себя думал: «Вот уж лакомый кусочек. Не то, что костлявая старуха. Я должен съесть обеих, и это будет самый изысканный ужин за всю мою жизнь. Надо только разыграть хорошую партию».

И он пошёл рядом с девочкой, притворяясь добрым другом.

— Послушай, Красная Шапочка, — начал он вкрадчиво. — Ты посмотри, какие цветы растут вокруг. Оглянись! Ты слышишь птиц? Ах да, их здесь нет. Но как же весело в лесу, вдали от скучной дороги! Ты идёшь, словно на каторгу, а ведь могла бы насладиться моментом.

Красная Шапочка подняла голову. В её памяти мелькнуло что-то из материнских наставлений, но затем она посмотрела на странные, светящиеся в полутьме леса цветы, и они показались ей дивными. Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь густую листву, казались не лучами, а серебряными нитями.

«А что, если я действительно принесу бабушке свежий пучок цветов? — подумала девочка. — Это бы её обрадовало, она так любит живое. Дорога ведь никуда не денется, а времени ещё полно».

Она осторожно сошла с тропинки и наклонилась к одному из цветов. Его лепестки были удивительно мягкими, словно бархат. Красная Шапочка сорвала цветок и поднесла его к лицу. Стоило ей вдохнуть его аромат, как она невольно закрыла глаза. Нежный, сладковатый запах был таким чарующим, что ей показалось, будто все тревоги и заботы растворились без следа. На губах сама собой появилась улыбка, а сердце наполнилось необъяснимым теплом и лёгкостью. Ей захотелось вдыхать этот аромат снова и снова.

Рядом рос другой цветок — ещё крупнее, ещё ярче. Она сорвала и его. Потом заметила третий, ещё прекраснее прежних. И вскоре уже забыла о тропинке, о волке и даже о том, куда шла. Так, увлечённая поиском самых красивых цветов, она всё глубже заходила в чащу леса, пока деревья не сомкнулись за ней стеной.

Волк смотрел ей вслед и не спешил. Он знал, что теперь она его.

Лес вокруг девочки менялся на глазах. Казалось, он сам стал живым организмом, поглощающим реальность. Старые дубы ещё стояли, но кора их почернела и потрескалась, будто деревья пережили не один пожар. Между корнями клубился сизый туман, который не разоглялся даже под утренним солнцем. Ветер здесь не шумел в листве — он шептал. И всякий, кто слишком долго прислушивался, начинал различать в этом шёпоте знакомые голоса.

Красная Шапочка ничего этого не знала. Она просто шла вперёд, зачарованная открывшейся ей картиной.

Она лишь заметила, что цветы становились всё красивее. Слишком красивыми для этого времени года. Одни светились слабым голубым светом, пульсируя в такт её шагам. Другие были покрыты крупными каплями росы, хотя дождя не было уже много дней, и воздух стоял сухой и затхлый. Третьи медленно поворачивали бутоны вслед за ней, словно сотни любопытных глаз наблюдали за каждым её движением.

— Какие странные... — прошептала Красная Шапочка, заворожённо разглядывая мерцающие, гипнотические цветы. Ей очень захотелось сорвать один, чтобы показать бабушке.

Она медленно протянула руку. Кончики её пальцев почти коснулись манящего светящегося лепестка, как вдруг прямо у неё за спиной, нарушив зловещую тишину леса, раздался хриплый, резкий, как удар плети, голос:

— Не трогай!

Красная Шапочка испуганно вскрикнула, выронив корзинку на твёрдую, как камень, землю. Пирог глухо звякнул, бутылка чудом не разбилась. Она резко обернулась и застыла на месте, сердце её ушло в пятки.

Перед ней, возвышаясь над ней как тень, стоял высокий человек в длинном, выцветшем, покрытом вековой пылью плаще. Его лицо скрывали глубокий, надвинутый на лоб капюшон и старая, потёртая противогазная маска с круглыми стеклянными окулярами, мутными и царапанными, похожими на фасеточные глаза гигантского, опасного насекомого. От незнакомца веяло холодом, порохом и чем-то сладковатым, как от засушенных ядовитых трав.

За плечом незнакомца висело длинное ружьё, плотно обмотанное грязными, пропитанными маслом бинтами. А на его тактическом поясе, звякая при каждом движении, покачи-

вались странные, пугающие предметы: стеклянные болты, ржавые гайки, толстые железные шайбы и стреляные пустые гильзы.

Он не двигался, лишь его окуляры-линзы буравили девочку сквозь прорезь маски. Красная Шапочка судорожно сглотнула, её била крупная дрожь. Она никогда не видела ничего подобного. Собрав всю волю в кулак, она, запинаясь, спросила:

— К-кто... кто ты т-такой? Ты охотник?

Незнакомец медленно повернул голову, осматривая лес вокруг них. Казалось, он прислушивается к чему-то, недоступному человеческому уху. Затем он снова посмотрел на девочку, и его хриплый, скрежещущий голос, усиленный маской, прозвучал как приговор:

— Это неважно кто я... Важно только одно, девочка: эти цветы здесь... они смертельно небезопасны. Ты была в миллиметре от того, чтобы стереть себя из реальности.

Незнакомец подошёл ближе. Он не стал объяснять, а осторожно бросил перед цветком ржавую гайку, которую снял с пояса.

Та ещё не успела коснуться земли, как воздух вокруг цветка вспыхнул ослепительной серебристой паутиной. Раздался тихий, мелодичный, но пугающий звон, будто одновременно разбились сотни тонких хрустальных бокалов. Цветок исчез. Вместе с гайкой. Вместе с клочком земли, на котором он рос.

Осталась только идеально круглая, дымящаяся чёрная яма с оплавленными краями.

— Лес любит приманки, — тихо проговорил человек, глядя на яму. — А ты — вкусная приманка.

Красная Шапочка невольно отступила на шаг.

Незнакомец перевёл взгляд куда-то вверх её головы, в самую глубину тумана.

— То, что ты видишь, — это отголоски, фантомы. Ты разговаривала с Серым?

— С волком?

Незнакомец коротко и резко кивнул.

— Он уже не волк. Он — часть этой аномалии.

Вдалеке, нарушая тишину, раздался протяжный, тоскливый вой. В этом звуке почти не осталось ничего звериного. Он был похож на скрип старых ржавых дверей, на человеческий предсмертный стон и на раскат далёкого грома одновременно. От этого звука у Красной Шапочки волосы встали дыбом под бархатной шапочкой.

Человек медленно, с лязгом снял ружьё с плеча и проверил затвор. Его движения были отточенными и профессиональными.

— Иди к своей бабушке, — приказал он. — Не сходи с тропы ни на шаг. Что бы ты ни услышала — не оборачивайся. Поняла?

— А вы? — спросила девочка, чувствуя к этому пугающему человеку странное доверие.

Он усмехнулся под маской. Или ей только показалось, и это был лишь звук трущейся кожи.

— Кто-то должен задержать хищника, пока ты бежишь.

И снова завыл лес. Только теперь Красная Шапочка поняла, что отвечает ему не один голос. Из тумана, один за другим, доносились десятки воев — разных, хриплых, надломленных, перекрывающих друг друга.

Словно весь лес, вся эта мёртвая чаща, проснулся голодным и звал её на ужин.

Услышав первый близкий выстрел, оглушительно прогремевший в тумане, Красная Шапочка вздрогнула и вскрикнула.

Эхо выстрела долго катилось между стволами, отражаясь от почерневших дубов, словно лес не хотел отпускать этот звук, смакуя его. Потом наступила звенящая, мёртвая тишина. Такая густая и тяжёлая, что слышно было, как где-то высоко осыпается сухая, мёртвая кора.

Она вспомнила слова незнакомца: «Что бы ты ни услышала — не оборачивайся».

Девочка крепче прижала к себе корзинку с пирогом и бутылочкой настойки и ускорила шаг, стараясь не смотреть по сторонам.

Вскоре сквозь туман наконец показалась изгородь из тёмного, переплетённого орешника. А за ней — знакомый покосившийся дом. Крыша просела, труба не дымила, а окна были наглухо заколочены старыми досками изнутри. Зрелище было безрадостным, но всё же это был конец пути. Красная Шапочка облегчённо выдохнула, чувствуя, как спадает леденящее напряжение последних минут.

Только теперь, подойдя ближе, она заметила странное украшение вокруг изгороди. Там, где раньше висели пучки сухих трав, теперь рядами висели десятки маленьких, самодельных колокольчиков. Они были собраны из всякого хлама: старых столовых ложек, ржавых ключей, сплюснутых пивных крышек и осколков битого стекла.

Но самое страшное было в том, что стояла мёртвая, звенящая тишина. Ни один, даже самый маленький ветерок, не шевелил эту зловещую «музыку». Ни один колокольчик не звенел, хотя они висели так плотно, что должны были касаться друг друга при малейшем движении воздуха.

Калитка оказалась приоткрытой, словно кто-то ждал гостей. Красная Шапочка, стараясь ступать бесшумно, осторожно вошла во двор. Трава здесь была не просто примята, она была втоптана в грязь огромными, широкими лапами. Слишком широкими для волка или даже медведя. Возле старого колодца валялась деревянная кружка, расколотая ровно пополам, будто её разрубили одним мощным ударом.

— Бабушка? — тихо, срывающимся голосом позвала девочка.

Никто не ответил. Лес вокруг дома замер, словно затаил дыхание.

Она поднялась на деревянное крыльцо. Краска на двери облупилась, обнажив тёмную, пористую древесину. Едва пальцы девочки коснулись ледяной металлической ручки, как из глубины дома, сквозь толщу старых брёвен донёсся спокойный, размеренный старческий голос:

— Кто там?

— Это я... Красная Шапочка, — ответила девочка, стараясь придать голосу бодрости.

Наступила короткая, неестественно долгая пауза. Словно голос был записан на старую пластинку, которая заела.

— Заходи... внученька, — наконец произнесла «бабушка».

Голос был знакомым, до боли родным. И всё же что-то в нём было не так. Критически не так. Он был слишком ровный. Слишком монотонный. Слишком спокойный для человека, который только что был болен. Будто невидимый чрево вещатель произносил давно заученные, чужие слова.

Красная Шапочка медленно, с трудом нажала на ручку, и дверь со скрипом открылась. Внутри было почти темно. Единственным источником света служила старая керосиновая лампа, стоявшая на массивном деревянном столе. Её маленькое жёлтое пламя едва разгоняло мрак, заставляя длинные тени медленно ползти по стенам. Ставни были плотно закрыты, не пропуская ни лучика дневного света. Воздух был тяжёлым, спёртым; в нём смешались запахи сухих лекарственных трав, затхлой сырости... и отчётливый металлический запах свежей крови.

Она сделала один маленький шаг через порог, в эту темноту. Едва её нога оторвалась от пола, как за её спиной дверь сама собой, медленно и бесшумно, захлопнулась, отрезая её от тусклого света дня.

Где-то в глубине дома, в соседней комнате, скрипнула старая пружинная кровать. Звук был громким и резким в этой тишине.

— Подойди поближе, детка, — произнесла бабушка из темноты.

И в тот же самый миг, когда раздались эти слова, за окном, прямо у стены, один из висевших колокольчиков тихо, но отчётливо звякнул. Потом второй. Словно что-то задело их снаружи. Третий.

Перед тем как сделать следующий шаг по направлению к кровати, Красная Шапочка остановилась. Сердце её колотилось так, что она боялась, его услышат в соседней комнате.

Что-то категорически не сходилось. Вся эта ситуация кричала об опасности. Бабушка всегда, даже в самую пасмурную погоду и во время сильной болезни, держала ставни открытыми. Она говорила, что солнечный свет — это лучшее лекарство для души и тела. Теперь же окна были не просто закрыты, они были наглухо заколочены изнутри толстыми досками, превращая дом в склеп.

— Бабушка? — позвала девочка ещё раз, вглядываясь в темноту комнаты, где угадывались очертания мебели.

— Подойди ближе, дитя, — повторил голос. Тот же самый. Ровный. Спокойный.

Но теперь, когда она стояла в тишине дома, Красная Шапочка уловила пугающую деталь. Голос доносился не из той комнаты, где стояла кровать. Он отражался от стен, от потолка, менял направление. Словно говоривший находился не здесь, а в другом месте, далеко отсюда, и голос передавался сюда каким-то неестественным способом.

Красная Шапочка, дрожащими руками, медленно поставила корзинку с гостинцами на деревянный пол. На половицах, прямо перед её ногами, она заметила тонкую, почти чёрную полоску засохшей жидкости. Сначала, в полутьме, ей показалось, что это просто грязь, принесённая с улицы. Но, присев на корточки и приглядевшись, она увидела характерный красновато-бурый оттенок и блеск запёкшейся крови.

Кровавый след тянулся не от двери, откуда она вошла. Он тянулся от двери, ведущей в соседнюю комнату, ту, что была за печью.

Не к кровати.

Она медленно подняла глаза, пытаясь разглядеть, кто лежит на постели. На подушке под толстым шерстяным одеялом действительно лежал человек. Или то, что издали, в темноте, можно было принять за человека. Голова была укрыта старым ночным чепцом почти до самых глаз, а лицо скрывала глубокая тень, падающая от балдахина кровати.

— Почему ты не подходишь? — спросил голос.

Теперь девочка была уверена: губы фигуры под одеялом не двигались. Тот слабый свет, что проникал из-под двери и через щели в ставнях, выхватывал лишь неподвижный силуэт ночного чепца.

Голос звучал из-за стены. Он был сухим и каким-то безжизненным, лишённым обычных интонаций бабушкиной теплоты.

Красная Шапочка поняла, в чём дело. Кто-то говорил через узкую вентиляционную решётку, замаскированную за старым ковром в соседней комнате, — ту самую, через которую они зимой слушали, как воет вьюга.

Осознание этого принесло не облегчение, а леденящий ужас. Бабушка не могла говорить оттуда.

Красная Шапочка, стараясь не издавать ни звука, медленно попятилась к входной двери, нащаривая рукой спасительную ручку. Ей хотелось выбежать обратно в лес, к этому странному человеку в маске, лишь бы не оставаться в этом доме.

Но в тишине старого дома даже дыхание казалось громом. Красная Шапочка старалась ступать мягко, но от волнения и холода опустила ногу слишком резко. Старая, разохшаяся половица под её босой, замёрзшей ступней жалобно, предательски скрипнула.

В тот же миг, словно этот скрип был спусковым крючком или условным сигналом, одеяло на кровати резко, с неестественной силой поднялось вверх, отброшенное кем-то невидимым.

Но под ним никого не оказалось.

Несколько туго свёрнутых одеял, набитых соломой и старыми тряпками, грубо изображали человеческое тело, укрытое до подбородка. Это была примитивная, но пугающая кукла.

От неожиданности Красная Шапочка вскрикнула. Но звук её голоса потонул в другом шуме. Из соседней комнаты, той самой, куда вела вентиляция, раздался глухой, тяжёлый удар, будто упало что-то массивное. Затем послышался звук торопливых, тяжёлых шагов, удаляющихся к чёрному ходу.

Кто-то всё это время был в доме.

Дверь в комнату, где была печь, распахнулась от удара ноги. На пороге появился высокий мужчина в сером дорожном плаще. Лицо скрывала широкополая шляпа, низко надвинутая на лоб, но в полумраке Красная Шапочка успела заметить жёсткие черты лица и холодный, оценивающий взгляд.

Он не бросился вперёд, не попытался схватить девочку. Он замер на пороге и внимательно посмотрел на неё. В его глазах не было безумия, только усталость и напряжение.

— Ты наблюдательнее, чем я ожидал, — спокойно произнёс он. Голос был низким, властным и совершенно чужим.

— Где моя бабушка? — потребовала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, хотя её била дрожь.

Мужчина криво усмехнулся, и этот жест сделал его лицо ещё более зловещим.

— Вот это уже правильный вопрос. Гораздо лучше, чем «здравствуй».

Он сделал широкий шаг в сторону, словно приглашая её заглянуть в соседнюю комнату, откуда он только что вышел.

Красная Шапочка осторожно заглянула за порог. Картина борьбы предстала перед ней: на полу лежал опрокинутый стул, рядом валялась разбитая бутылка вина, красное пятно расплзалось по доскам, как большая клякса. На столе стояли две кружки. Словно два человека сидели и беседовали, пока не случилось нечто ужасное.

Но самой бабушки нигде не было. Ни в кресле, ни у печи, ни под столом. Дом был пуст, если не считать этого чужака.

Только на полу, возле самой дверцы поддувала, Красная Шапочка заметила знакомый тусклый блеск. Она сделала шаг вперёд и подняла серебряную брошь в форме изящного дубового листа.

Она узнала её сразу. Это украшение бабушка никогда не снимала, даже на ночь. Это был подарок деда, их семейный талисман.

И именно в этот момент, сжимая холодный металл в руке, девочка поняла со всей ясностью: если брошь осталась здесь, на грязном полу, значит, бабушка покинула дом не по своей воле. Она не могла уйти добровольно, оставив любимую вещь. Или вовсе не смогла его покинуть, став жертвой того, кто сейчас стоял за её спиной.

Мужчина заметил, куда смотрит девочка и что она держит в руке. Его взгляд на мгновение задержался на серебряной броши, и в глубине глаз промелькнуло что-то похожее на сожаление или досаду.

— Не трогай её, — тихо произнёс он, но в голосе прозвучала сталь.

Красная Шапочка не послушалась. Она лишь крепче сжала брошь в потной ладони, словно боялась, что незнакомец попытается её отнять.

Серебро оказалось тёплым. Слишком тёплым для холодного дома. Будто его оставили здесь всего несколько минут назад и оно всё ещё хранило тепло человеческого тела.

— Где она? — повторила девочка, оборачиваясь к нему.

Мужчина медленно, демонстративно снял шляпу и повесил её на спинку опрокинутого стула. На вид ему было около сорока, но глубокие морщины вокруг глаз и рта выдавали человека, пережившего немало потрясений. Лицо было худое, гладко выбритое, с небольшим, но заметным белым шрамом у самого подбородка. В его облике не было ничего звериного или

безумного, как она ожидала. Скорее, это был человек, привыкший к жестокости, к тяжёлой работе и тщательному обдумыванию каждого своего слова.

— Если бы я хотел причинить тебе вред, — сказал он спокойно, глядя ей прямо в глаза, не мигая, — ты бы уже не задавала вопросов.

Девочка вздрогнула.

— Это не ответ, — отчеканила она.

— Верно, — согласился он, не делая попыток приблизиться.

Он сделал ещё один шаг назад, к стене, демонстрируя, что не представляет прямой угрозы.

— Меня зовут Ганс Крюгер. Я следователь.

Красная Шапочка с сомнением посмотрела на его дорожный плащ и сапоги, покрытые грязью Глухого Леса.

— Следователь? А где вы работаете? — спросила она. — У нас даже полицейского участка нет.

— Я приехал издалека, — ответил Крюгер. — Расследую странное дело, которое уже несколько дней происходит в этих местах.

Он медленно, без резких движений, достал из внутреннего кармана плоский кожаный футляр и раскрыл его. Внутри, на тёмном бархате, покоился металлический знак с искусной гравировкой — личным номером следователя. Металл был потёрт временем, но всё ещё сохранял тяжесть и холодный блеск старой вещи, которой доверяли слишком много тайн.

Девочка не умела читать цифры и плохо разбиралась в геральдике, но интуитивно, по тому, как Крюгер держал футляр и с каким уважением смотрел на знак, она поняла: вещь была настоящей, и этот человек действительно тот, за кого себя выдаёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.